

Посещение Достоевским Оптиной Пустыни не только стало событием его духовной жизни, но, как мы видели, было также примечательным событием и для истории самой Оптиной Пустыни.

Можно сказать, что Оптина приняла Достоевского и запечатлела в своей памяти его образ. Более того, думаем, что имеем основание утверждать: Достоевский соединился с образом Оптиной, так что уже невозможно понять и представить себе писателя без Оптиной или вне Оптиной, как, впрочем, наверное, и Оптину нельзя представить без Достоевского.

2. Канонизация Собора оптинских старцев

Теме «Достоевский и Оптина Пустынь» придает особую значимость состоявшаяся 26 июля 1996 г. канонизация Собора преподобных отцев и старцев, в Оптиной Пустыни просиявших. Этот собор составляет четырнадцать имен оптинских старцев.

Четверо из упоминавшихся в настоящей работе оптинских старцев причислены среди прочих к лику святых: преподобный Иосиф, преподобный Анатолий, преподобный Варсонофий, а также преподобный Амвросий (канонизирован в 1988 г.). Таким образом, слова и суждения оптинских старцев о Достоевском приобретают характер святости и силу церковного предания.

С. А. ИПАТОВА

АНГЛИЙСКИЙ ЖУРНАЛ «THE ATHENAEUM» О ДОСТОЕВСКОМ (1875): У ИСТОКОВ ВОСПРИЯТИЯ ПИСАТЕЛЯ В АНГИИ

«Кто-то напечатал, что он уже умер, и обещал его некролог».

«Бесы». Ч. 1. Гл. 1 (10, 20)

16 марта 1876 г. в «Московских ведомостях» была опубликована заметка «„Athenaeum“ о русской литературе в 1875 г.», подписанная Р., в которой излагался обзор русской литературы за истекший 1875 г. английского критика и переводчика Юджина Скайлера, напечатанный в известном лондонском журнале. «Г. Скайлер, — говорилось в ней, — отозвался с большим уважением о „Пасынке“ (так! Речь идет о «Подростке». — С. И.) г. Достоевского, находя в нем проявление сильного таланта, но сожалел, что цельности впечатления мешают любовь автора к эпизодам, затемняющим главный сюжет, и слишком длинные рассуждения».¹ В основном обзор был посвящен «Анне Карениной» как наиболее значительному произведению прошедшего

года. Достоевский отметил эту публикацию «Московских ведомостей» в своей записной тетради (24, 171, 450—451). Есть все основания полагать, что автором заметки был неофициальный корреспондент газеты, библиотекарь Британского музея, английский славист Вильям Рольстон (1828—1889), составивший себе имя как неутомимый популяризатор русского языка и литературы в Англии, друг и переводчик И. С. Тургенева, постоянный корреспондент «The Athenaeum», «The Academy» и других английских изданий, автор значительного числа книг и статей, посвященных русской литературе и фольклору.²

В том же лондонском еженедельнике «The Athenaeum» — «журнале английской и иностранной литературы, науки, изящных искусств, музыки и драмы» — за месяц до публикации обзора Скайлера появился анонимный обзор, целиком посвященный произведениям Достоевского, начиная с «Бедных людей» и кончая «Бесами», написанный в жанре некрологической статьи. Статья, озаглавленная «Fedor Dostoevsky», вышла 6 ноября 1875 г. и начиналась выражением сожаления по поводу его смерти: «Россия лишилась писателя, который около пятнадцати лет считался одним из самых замечательных ее романистов, писателя, находившего большинство своих героев среди тех, кем общество или пренебрегало, или наказывало их. Со времен Гоголя русская литература стала, главным образом, реалистической, и многие из ее деятелей, видимо, поставили перед собой задачу показать, сколь прозаичен и неприятен мир, изображенный до них столь многими романтическими и привлекательными картинами (...) Произведения Достоевского, о чьей смерти недавно было объявлено, в большинстве своем были задуманы с тем, чтобы произвести болезненное впечатление в сознании, однако их весьма почитают в России по причине страданий, представленных в них, анализа характера и точности детальных описаний».³ Именно Рольстон помещал в «The Athenaeum» и «The Academy» статьи и заметки о русской литературе, новых книгах, некрологи русских деятелей, отклики на темы общественной и культурной жизни в России. Им были написаны некрологи Н. И. Тургенева,⁴ А. Н. Афанасьева,⁵ В. И. Даля,⁶ П. А. Вяземского,⁷ Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева.⁸ Рецензия Рольстона на первый английский перевод «Записок из Мертвого дома», приведенная в подписанном им некрологе

² Подробнее о нем см.: Алексеев М. П., Левин Ю. Д. Вильям Рольстон — пропагандист русской литературы и фольклора. СПб., 1994. В 1876 г. в «Московских ведомостях», с которыми Рольстон был тесно связан, публиковались материалы, освещавшие его деятельность: «Г. Рольстон о сочувствии русских к Сербии» (31 окт. № 278) и «Г. Рольстон о России» (25 нояб. № 303) (обе статьи, скорее всего, принадлежат О. А. Новиковой, знакомой и корреспондентке Рольстона).

³ Athenaeum. 1875. November 6. N 2506. P. 608—609 (курсив мой. — С. И.).

⁴ Athenaeum. 1871. December 9. N 2302. P. 756.

⁵ Academy. 1871. November 1. Vol. 2. N 35. P. 491.

⁶ Athenaeum. 1872. October 19. N 2347. P. 498—499.

⁷ Athenaeum. 1879. January 18. N 2673. P. 88.

⁸ Athenaeum. 1883. September 15. N 2916. P. 337—338. В 1872 г. Генри Чорли на основании слухов о смерти здравствующего И. С. Тургенева поместил его некролог в лондонском музыкальном журнале (см.: Orchestra. 1872. January 19. P. 251). Последовали протестующее письмо и опровержение Рольстона (Ibid. January 26. P. 267; см. также: Тургенев И. С. Полн. собр. соч.: В 28 т. М.; Л., 1965. Письма. Т. 9. С. 213).

¹ Московские ведомости. 1875. № 68; см. также: Athenaeum. 1875. December 25. № 2513. P. 874—876; Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. СПб., 1995. Т. 3. С. 79.

Достоевского 1881 г., местами текстуально совпадает с соответственной частью анонимного обзора 1875 г., позволяя тем самым окончательно отнести и эту некрологическую статью перу английского литератора.⁹

Оговаривая в своей статье, что сведения о смерти писателя были почерпнуты им в «недавнем объявлении», Рольстон безусловно имел в виду русский источник. Маловероятно, однако, чтобы подобное объявление, опубликованное в России, осталось незамеченным современниками — имеющиеся биографические источники не подтверждают этого факта. В 1870-х гг., оказывая редакциям основных русских газет корреспондентские услуги, Рольстон регулярно получал «Биржевые ведомости», «С.-Петербургские ведомости», «Московские ведомости». 18 марта 1872 г. он писал Я. К. Гроту: «Пакет с „С.-Петербургскими ведомостями“ только что прибыл, и это показывает, что я и в будущем смогу получать их в обмен за кое-какие литературные сплетни, которые буду посылать».¹⁰ Что же имел в виду Рольстон под «недавним объявлением» о смерти писателя?

20 июня 1875 г., т. е. за четыре месяца до злополучного некролога, в «С.-Петербургских ведомостях» появилось следующее краткое сообщение: «Мы слышали, что наш известный писатель Ф. М. Достоевский серьезно захворал».¹¹ Еще четыре газеты перепечатали это известие. Достоевский лечился в это время в Германии и «именно никогда не чувствовал себя лучше здоровьем, как в этом скверном Эмсе» (29₂, 61). В Старой Руссе это сообщение произвело на Анну Григорьевну трагическое впечатление: «Весь день я была как сумасшедшая, — писала она мужу 24 июня, — плакала, рыдала, представляла, что ты умер (...) Я представить себе не могла, чтоб это известие не имело ни малейшего основания (...) Однако с чего они взяли, что ты болен, и какой это мерзавец им сообщил. Этого негодяя следовало бы повесить».¹² «Так мне и не удалось узнать, кем именно было сообщено в газеты это неосновательное известие, заставившее и мужа, и меня провести несколько мучительных часов», — вспоминала Анна Григорьевна.¹³ «И кто эту глупость мог напечатать, — отвечал Достоевский 27 июня (9 июля), — (конечно, серьезно, а не в насмешку, да и к чему бы такая насмешка?). Ох, беда быть „великим человеком“!» (29₂, 61; см. также 63). Было ли это «газетной уткой», недоразумением, или же за этим стоял чей-то определенный умысел, сказать трудно. Не исключено, что «факт» этот возник из «прочтения» редакционного объявления «Отечественных записок», предшествовавшего сообщениям о болезни: «Ф. М. Достоевский известил нас, что по случаю поездки его в Эмс печатание романа „Подросток“ должно приостановиться на два месяца».¹⁴ Возможно, что Рольстон, не вполне владея русским

языком, именно так прочитал эти сообщения, хотя, думается, информацию легко было проверить, имея в числе своих русских корреспондентов М. Н. Каткова, М. М. Стасюлевича, П. И. Баргенева, О. Ф. Миллера и мн. др. Вл. Соловьев, работавший в это время в Британском музее, еще до появления некролога, вероятно на основании лондонских слухов, в письме к матери от 14 (26) октября спрашивает: «Правда ли, что умерли Алексей Толстой и Достоевский?».¹⁵

Возможно, что ложные сведения Рольстон получил от О. А. Новиковой, хозяйки великосветского салона в Лондоне, и поэтому после публикации некролога в «Athenaeum» он адресовал именно к ней: «„Постоянный читатель“ из Петербурга прислал письмо в „Athenaeum“ и сообщил, что Достоевский не умер. Не знаете ли вы случайно что-нибудь на этот счет? Если знаете, вы меня крайне обяжете, если будете любезны сообщить мне это».¹⁶ Рольстон и его литературная деятельность, способствующая делу англо-русского сближения, вызывали у Новиковой, озабоченной той же проблемой на дипломатическом уровне, интерес и стремление направлять эту деятельность.¹⁷

Спустя две недели после публикации некролога в том же журнале появилось анонимное опровержение, составленное, несомненно, Рольстоном. «„Постоянный русский читатель“ пишет из Петербурга, что сообщение о смерти Федора Достоевского, русского романиста, — неосновательно; что он жив и „относительно здоров“, и продолжает печатать в „Отечественных записках“ свой роман „Подросток“, в котором содержится психологический анализ болезненного развития юношеского тщеславия и благостного самосознания посреди общественных недоразумений».¹⁸ Упоминание здесь об «Отечественных записках» и продолжении публикации «Подростка» звучит как прямая отсылка к редакционному объявлению журнала о приостановке печатания романа в связи с отъездом писателя в Эмс.

В конечном счете, от кого бы ни получил Рольстон эти сведения, инцидент был исчерпан, а те, кто знал о прижизненном некрологе Достоевского, — вероятно, в окружении писателя помимо Новиковой и Вл. Соловьева такими людьми могли быть знакомые Рольстона П. Д. Боборыкин, О. Ф. Миллер, И. С. Тургенев, сотрудничавший в «Athenaeum», В. Ф. Корш и т. д., — не сочли возможным рассказать этот газетный эпизод Достоевскому.

Интерес представляет, скорее, не повод, послуживший к написанию едва ли не первой английской статьи о писателе, сколько критический обзор основных произведений Достоевского, обнаруживающий в авторе основательное знание предмета, что, при полном отсутствии английских переводов произведений писателя в это время и при значительном

⁹ В библиографии работ Рольстона эта публикация не отмечена см.: Waddington P. A bibliography of the writings of W. R. S. Ralston // New Zealand Slavonic journal. 1980. N 1. P. 1—15.

¹⁰ Цит. по: Алексеев М. П., Левин Ю. Д. Вильям Рольстон... С. 109.

¹¹ С.-Петерб. ведомости. 1875. № 159.

¹² Достоевский Ф. М., Достоевская А. Г. Переписка. М., 1976. С. 205.

¹³ Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1971. С. 280—281.

¹⁴ Отечественные записки. 1875. № 6. С. 334.

¹⁵ Лукьянов С. М. О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы: Материалы к биографии. Пг., 1921. Кн. 3, вып. 1. С. 120 (А. К. Толстой умер 28 сентября (10 октября) 1875 г.).

¹⁶ Цит. по: Алексеев М. П., Левин Ю. Д. Вильям Рольстон... С. 164. Ответ Новиковой неизвестен. По описанию Н. С. Лескова («Неоцененные услуги»), эта дама имела определенную склонность к интригам и непроверенным слухам.

¹⁷ Подробнее об этом см. письма Рольстона к Новиковой: Там же. С. 138—193.

¹⁸ Athenaeum. 1875. November 20. N 2508. P. 676. Кто стоит за подписью «Постоянный русский читатель» (A Constant Reader in Russia), установить не удалось.

объеме рецензируемого материала, может быть объяснено исключительно компилятивным характером его критической части, составленной по русскому источнику. Рольстон, только сносно владея русским языком, вряд ли сам прочитал и осмыслил практически все произведения Достоевского, начиная с «Бедных людей» и кончая «Бесами» («Записки из Мертвого дома», «Униженные и оскорбленные», «Преступление и наказание», «Идиот»). Удалось установить, что источником выборки стали опубликованные незадолго публичные лекции О. Ф. Миллера, вернее третья и четвертая, посвященные Достоевскому.¹⁹ Рольстон познакомился с Миллером в конце 1860-х гг. В 1870 г. Миллер подарил ему свои монографии «Илья Муромец и богатырство киевское» (СПб., 1869) и «Опыт исторического обозрения русской словесности» (СПб., 1865), которые Рольстон использовал при написании своей книги «Песни русского народа» («The songs of the Russian people, as illustrative of Slavonic mythology and Russian social life». London, 1872). Как видно из письма к Миллеру от 23 ноября 1874 г., лекции, изданные отдельной книгой, были получены им в подарок от автора. «Благодаря им, — писал он, — „Русская литература после Гоголя“ станет мне гораздо более близкой, чем прежде. Я надеюсь также написать статью о вашей книге в каком-нибудь журнале».²⁰ Однако вряд ли можно говорить, что литературная часть некролога является прямым переводом из лекций Миллера. Есть многочисленные текстуальные совпадения, тем не менее в статье Рольстона, «адаптирующей» толкования источника, содержатся отдельные самостоятельные высказывания о творчестве писателя, обнаруживающие если не непосредственное знакомство критика с некоторыми произведениями Достоевского, то чью-то очевидную коррекцию. Миллер писал: в «Записках из Мертвого дома» преступники — «несчастные». Взгляд Достоевского на преступника — это наш русский народный взгляд».²¹ «Во всех своих произведениях, — читаем у Рольстона, — Достоевский, видимо, смотрел на преступников с их точки зрения, столь дорогой русскому сознанию, — как на „несчастных“, видимо, побуждаемый описывать их истинной, хотя и болезненной, симпатией к лучшей стороне их души, присущей многим из них». Известно, что Миллеру не нравился роман «Бесы»: «Если мы не хотим, не умеем или не можем, — писал он, — ответить на такие вопросы («отчего же такой Петр Верховенский?»). — С. И.), то лучше и не делать некоторых явлений предметом художественных произведений. (...) Но если мне пришлось относительно последних произведений Достоевского прийти к подобному заключению, то это не дает нам права забывать заслуги автора „Бедных людей“».²² Тональность Рольстона категоричнее: «В своих поздних романах Достоевский стал одновременно более дидактичным и менее снисходительным (...) Как произведения искусства они

¹⁹ См.: Миллер О. Ф. Русская литература после Гоголя (за исключением драматической). Десять лекций. СПб., 1874. С. 34—71.

²⁰ Цит. по: Алексеев М. П., Левин Ю. Д. Вильям Рольстон... С. 230.

²¹ Миллер О. Ф. Русская литература... С. 53.

²² Там же. С. 71.

весьма уступают его ранним произведениям, и не только в сравнении с психологическим романом „Преступление и наказание“, но даже с многочисленными повестями, более краткими и менее честолюбивыми».²³

Критическую мысль Рольстона направлял И. С. Тургенев. Еще в 1866 г. он рекомендовал вниманию английского критика ряд имен в современной русской литературе: «Не говоря уже о Гоголе, я думаю, что произведения графа Льва Толстого, Островского, Писемского и Гончарова могут представить интерес и по своей новой манере восприятий и по передаче поэтических впечатлений; нельзя отрицать, что со времени Гоголя наша литература приняла оригинальный характер».²⁴ Есть своеобразный «тургеневский период» известности Л. Толстого за рубежом. Именно Тургенев познакомил влиятельных критиков и писателей Запада И. Тэна, Э. Абу, Ю. Шмидта, Рольстона с произведениями Толстого.²⁵ В 1879 г. Рольстон опубликовал статью «Романы графа Льва Толстого» — краткое изложение «Войны и мира».²⁶ Он «открыл» также для английской публики И. А. Крылова, М. Ю. Лермонтова, И. С. Никитина, А. В. Кольцова, Н. А. Некрасова, А. Н. Островского, Тургенева.²⁷ Возможно, что, если бы не повод — некролог, этот список пополнился бы именем Достоевского, но не в 1875 г., а несколько позднее. По оценке П. Д. Боборыкина, «Рольстон представлял собою характерного любителя литературы (...) чисто британского образца. Кто был признан выдающимся талантом, тот и делался предметом его интереса».²⁸ В середине 1870-х гг. самым популярным русским писателем был И. С. Тургенев. Интерес к Достоевскому и Толстому на Западе возникнет лишь в середине 1880-х гг., когда начнут, по свидетельству Боборыкина, «увлекаться нашими романистами, преклоняясь и перед их талантом, и перед тем „нутром“, которое им показывали всего больше Толстой и Достоевский. Но не нужно забывать, что увлечение пришло не самостоятельно. Произведения Тургенева (...) читали больше, чем других иностранных беллетристов; но он не сделался „властителем дум“ даже и вскоре после своей смерти, которая и подняла интерес к нему на некоторое время». «Повальное увлечение» Толстым и Достоевским среди парижской публики начнется с их «истолкования» Мельхиором де Вогюэ «как самых ярких выразителей русской души».²⁹ Толкователем Достоевского в Англии, вслед за Рольстоном, станет Оскар Уайльд.

В 1881 г. на смерть Достоевского Рольстон откликнулся некрологом, написанным в виде рецензии на первый английский перевод «Записок из Мертвого дома» («Buried alive, or Ten years of penal servitude in Siberia». London, 1881 — «Погребенные заживо, или Десять лет каторжных работ в Сибири»; перевод Marie von Thilo). «Недавняя

²³ [Ralston W.] Fedor Dostoevsky // Athenaeum. 1875. November 6. N 2506. P. 609.

²⁴ Тургенев И. С. Полн. собр. соч.: В 28 т. Письма. Т. 6. С. 111—112.

²⁵ См.: Лит. наследство. М., 1965. Т. 75. Толстой и зарубежный мир. Кн. 1. С. 305—312.

²⁶ Ralston W. R. S. Count Leo Tolstoy's novels // Nineteenth Century. 1879. April. Vol. 5. N 26. P. 650—669.

²⁷ См.: Waddington P. A bibliography of the writings of W. R. S. Ralston // New Zealand Slavonic Journal. 1980. N 1. P. 1—15.

²⁸ Боборыкин П. Д. Воспоминания: В 2 т. М., 1965. Т. 2. С. 216.

²⁹ Там же. С. 200—201.

смерть автора „Записок из Мертвого дома“, — писал Рольстон, — и поразительные демонстрации уважения, которыми сопровождался его похороны в Петербурге, придают особый интерес только что вышедшему английскому переводу этого замечательного произведения».³⁰ Далее следовал критический разбор романа, местами совпадающий с его анализом в некрологе 1875 г.

В июне 1879 г. Международный литературный конгресс в Лондоне единодушно избрал Достоевского членом почетного комитета Международной литературной ассоциации (почетный президент В. Гюго) как «одного из самых прославленных представителей современной литературы»,³¹ однако первый английский перевод появился лишь в 1881 г. («Записки из Мертвого дома»; за год это издание было перепечатано четыре раза), полосу же подлинного увлечения Достоевским в Англии началась в середине 1880-х гг. В 1886 г. были изданы переводы «Преступления и наказания» и «Униженных и оскорбленных», сделанные Ф. Уишо; затем следовали «Идиот», «Село Степанчиково», «Игрок» (1887), «Дядюшкин сон» и «Вечный муж» (1888) в переводах того же Ф. Уишо.³² В анонимной рецензии, помещенной в «Athenaeum», «Преступление и наказание» получило восторженную оценку: этот роман, говорилось в ней, «полон реализма, но такого реализма, о котором Э. Золя и его последователи не могут и мечтать».³³

По мнению М. П. Алексеева и Ю. Д. Левина, О. А. Новикова, известная публицистка и хозяйка великосветского салона в Лондоне, знакомая с писателем с 1878—1879 гг., несомненно пропагандировала Достоевского;³⁴ в 1889 г. английский премьер-министр В. Гладстон сообщал ей, что читает «Преступление и наказание» (вероятно, по ее же совету). В октябре 1887 г. молодой Оскар Уайльд писал Новиковой: «Я надеюсь, что Вы не забыли своего обещания написать для меня небольшую статью о трех русских романистах, Тургеневе, Достоевском и Толстом, используя личные воспоминания и описав некоторые их черты, какие придут Вам на ум. Сейчас все интересуются русскими романистами, но нет никого, кроме Вас, кто бы был лично знаком с Толстым или Достоевским, — Ваш рассказ о последнем я считаю чрезвычайно интересным».³⁵ Незадолго до письма Уайльд опубликовал рецензию на «Преступление и наказание» и критический разбор «Униженных и оскорбленных», в котором отмечалось, что Достоевского отличают «напряженность страсти» и психологическая глубина.³⁶ Одной

³⁰ Academy. 1881. April 16. Vol. 19, N 467. P. 273—274.

³¹ См.: Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского. Т. 3. С. 327.

³² Подробнее об английских переводах Достоевского см.: Алексеев М. П., Левин Ю. Д. В лондонском салоне О. А. Новиковой. Рукопись (ИРЛИ). Л. 45—45а.

³³ Athenaeum. 1886. January 16. N 3038. P. 99—100.

³⁴ О взаимоотношениях Новиковой и Достоевского см. публикацию: Ипатова С. А. Из женского «эпистолярного цикла» архива Достоевского (А. О. Ишимова, О. А. Новикова, М. А. Поливанова) // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 1996. Т. 13. С. 251—262.

³⁵ РО ИРЛИ, ф. 137, оп. 1, № 125.

³⁶ Pall Mall gazette. 1887. Vol. 45. May 2, N 6902. Обзор литературно-критических суждений о творчестве Достоевского в английской периодике см.: Алексеев М. П., Левин Ю. Д. В лондонском салоне О. А. Новиковой. Л. 43—45а.

из избранных книг, которые Уайльд любил перечитывать, оказавшись впоследствии в тюрьме, были «Записки из Мертвого дома».

Рассказ Новиковой о Достоевском, обещанный Уайльду, мог быть действительно чрезвычайно любопытным, если вспомнить, что именно она была непосредственной участницей передачи рукописи Пушкинской речи М. Н. Каткову для публикации в «Московских ведомостях». Получил ли Уайльд рассказ Новиковой, неизвестно; и если таковой существует, не исключено, что в нем могут оказаться и подробности истории с ложными слухами о смерти Достоевского в 1875 г., на основании которых Рольстоном был написан прижизненный некролог писателя и критический обзор его произведений, положивший начало славе Достоевского в Англии.

П. Е. ФОКИН

«А БЕДА ВАША ВСЯ В ТОМ, ЧТО ВАМ ЭТО НЕВЕРОЯТНО...»

(Достоевский и Солженицын)

1

Достоевского в XX в. читали по-всякому. С благоговейным трепетом и с дрожью отвращения, как реалиста и как мистика, сквозь призму академической науки и с помощью языка других видов искусств. Его осмысливали, его исследовали, его интерпретировали, с ним «вступали в диалог», спорили, его «развенчивали» и опровергали. Некоторые даже демонстративно не читали, чтобы не тратить «попусту» время. Но удивительно, среди миллионов читателей, среди сотен тысяч почитателей Достоевского нашелся лишь один последователь его. Это — Александр Солженицын.

2

Влияния Достоевского в XX в. не избежал никто. Его цитировали прямо и опосредованно, его брали в союзники и защитники, его использовали как оружие, порой ему просто подражали или, напротив, пародировали.

Художественный мир Достоевского, при всей его специфичности и «фантастичности», оказался настолько универсален, что практически каждый читатель находил в нем свое место, более того, вся окружающая действительность укладывалась в систему его координат (вне зависимости от политических, экономических и даже — в Японии, например, — религиозных устоев общества, к которому принадлежал читатель). Мир после Достоевского стал восприниматься как мир Достоевского. Люди стали персонажами.